

письмо его к Безбородко об офицере русской службы Миранда, из которого видно, что «метафизические системы вольного правления» не вызывали у него враждебности и увлечение ими пылким умом благородного человека он склонен был извинять, хотя попытки практического их осуществления им безусловно осуждались (необходимо сделать скидку на характер адресата и цель письма — оправдать в глазах петербургского правительства молодого вольнодумца, о котором Екатерина II получила неблагоприятные сведения): «Он имеет честной благородный нрав и преисполнен благодарности к Государыне, но в то же время я усматривал в нем, что острой и надмерно пылкой его Разум помрачал иногда его рассуждение и что безразборное чтение энциклопедических <так, — Ю. Л.> авторов и собеседие (во время его путешествия, когда он объезжал Европу) с Реналом, Кондорсетом и другими подобными ввело его в метафизические системы вольного правления, кои он не рассудил, что на действии они совсем не те, кои в умствованиях ему кажутся».³⁷ Следует отметить, что письмо это, написанное осенью 1792 г., отнюдь не соответствовало настроениям, царившим в это время в официальных кругах Петербурга. Но более существенно другое: относясь к французской революции с осуждением, он считал ее событием великим и неизбежным. Через два дня после процитированного письма Безбородко, 2/13 сентября 1792 г., он писал А. Р. Воронцову: «Франция не успокоится до тех пор, пока ее гнусные принципы не пустят корней и на этой земле; несмотря на превосходную конституцию здешней страны, зараза возьмет верх. Это, как я вам уже сказал, — война не на жизнь, а на смерть между теми, которые ничего не имеют, и владельцами собственности, а так как последних гораздо меньше, то в конце концов они неизбежно погибнут. Зараза станет всеобщей». Далее, говоря о неизбежности революции в России, он пишет: «Мы ее не увидим, ни вы, ни я; но мой сын ее увидит. Поэтому я решил обучить его какому-нибудь ремеслу, слесарному или столярному, чтобы, когда его крепостные скажут ему, что они его больше не хотят знать, а что земли его они разделят между собой, он мог зарабатывать себе на жизнь честным трудом и иметь честь сделаться одним из членов будущего пензенского или дмитровского муниципалитета».³⁸

Глубокое убеждение в том, что, согласно Монтескье, деспотизм порождает анархию, а анархия — деспотизм, заставляло С. Р. Воронцова видеть средство предотвращения революции в России в устранении деспотизма Екатерины II. Надежды на Павла не были ему чужды.

Карамзин был принят С. Р. Воронцовым не как случайный приезжий: он многократно у него обедал в Лондоне, бывал на

³⁷ ЛОИИ АН, ф. 36, оп. 1, ед. хр. 1253, л. 20—20 об.

³⁸ Архив кн. Воронцова. М., 1876, т. 9, с. 267—269 (оригинал по-французски).